

ЧТО ЕСТЬ РАЗВИТИЕ? ТОЧКА ЗРЕНИЯ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ГЭЛБРЕЙТА

«Хорошие экономисты не консерваторы или еретики, а скорее прагматики: они могут сформировать хорошую экономическую политику, основанную на открытой и скромной теории, которая постоянно заставляет их обдумывать и принимать решения в условиях неопределенности» - Луиз Карлос Перейра (2010)

Революция в России и образование Советского Союза подтвердили возможность широкомасштабного создания социалистической республики, свободной от феодального, капиталистического или фашистского контроля, а победа Советского Союза во Второй мировой войне продемонстрировала индустриальный и военный потенциал подобного государства, что вскоре было усилено итогом гражданской войны в Китае. Высокий престиж социализма и обретенная колониями независимость подвели Запад к необходимости продемонстрировать конкретные и весомые достижения в экономике, а также преимущества политической свободы. Дома этого требовали сильный рабочий класс и ветераны. Отсюда возникли социал-демократия, демократический социализм и государство всеобщего благосостояния, на международном уровне: План Маршалла, Бреттон-Вудские учреждения, затем Союз ради прогресса, Продовольствие ради мира, PL 480 и множество аналогичных инициатив за экономическое развитие, руководствующихся духом либерализма времен Холодной войны. Трое из главных фигур того времени были Уолт Ростоу, Саймон Кузнец и Альберт Хиршман.

Вклад Ростоу был простой схемой «этапов» экономического роста, откровенно озаглавленной «некоммунистический манифест» и созданной для того, чтобы распространить опытную модель США и Великобритании на весь независимый и неконфликтный мир. Схема предполагала, что страна

должна сначала скатиться вниз, чтобы потом взлететь и в конечном итоге оказаться на плато с высоким массовым потреблением. Такой полет на высоте не может продолжаться без топлива, что несколько ограничило авиационную аналогию, но по крайней мере послыл надежды и подражания был отправлен. Теории Ростоу не доставало явных дистрибутивных выводов, хотя «высокое массовое потребление» неявно влекло за собой конечное установление общества среднего класса.

Саймон Кузнец, экономист с высокими практическими заслугами, разработал распределительную теорию процесса развития. Проще говоря, появление урбанизированных отраслей в экономике, в которой ранее преобладало крестьянское или йоменское сельское хозяйство, должно повлечь за собой растущее неравенство, пока доля крестьян и фермеров не упадет ниже определенного порога, после чего динамика организации рабочих и городской демократии перевесит, и неравенство снова пойдет вниз. Это существенная база «обратной U» - известной связи Кузнецца между неравенством и доходом. Кривая предполагала, что растущее неравенство на ранней стадии рыночной индустриализации было неизбежно и косвенно побуждало к согласию в итоге постепенного улучшения дел.

Хиршман отверг концепцию развития «большого толчка» в пользу теории межотраслевых связей, с производящими и потребляющими отраслями; он думал, что все должно происходить поэтапно, сначала одно, а затем что-то другое, тесно связанное и выполнимое. Хиршман также исследовал социально-психологические осложнения представлений Кузнецца в своей концепции «эффекта туннеля». Если обе полосы движения в туннеле встают в пробку, то движение одной из полос вдохновляет, а не подавляет тех, кто стоит во второй полосе. Тем не менее, Хиршман особо отметил, что, если вторая полоса стоит слишком долго, эффект будет обратным: надежда сменится разочарованием и, в конце концов, восстанием. В условиях

Холодной войны работа Хиршмана была ярким напоминанием о том, что просто обещаний недостаточно, и что простые схемы должны сдерживаться реализмом в отношении административных и технических ограничений, а также адаптированы к условиям на местах.

Либералы холодной войны и послевоенные американские кейнсианцы знали, что их видение экономического развития должно продвигать оптимистичный взгляд на управляемый и прогрессивный демократический капитализм. И политическая власть на Западе, как бы она ни была связана с ведущими финансовыми и деловыми интересами, время от времени воздействовала на послание. История этого периода - история нерегулярного противоречия между видением эффективной и прогрессивной политики, с одной стороны, - и более мрачным видением прямого или косвенного контроля с помощью силы и мошенничества, бывшими основными элементами секретных служб тогда и сейчас. Доктрины развития представляли обнадеживающее и относительно прогрессивное лицо мирового порядка, конечным итогом которого было принято считать социал-демократию, общество потребления и государство всеобщего благосостояния.

В Швеции конкретная стратегия была основана на эгалитарной политике. Там модель Мейднера / Рэна (1951; см. также Martin, 1981) определяла сжатые структуры заработной платы как путь к производительности и конкурентоспособности, а шведская социал-демократия реализовала эту модель таким образом, что за шесть десятилетий Швеция поднялась на первую строчку таблицы мирового дохода. Ключевым моментом стала эндогенность состава и технологического уровня промышленности в малой экономике, где размер минимальной оплаты труда устраняет слабых игроков и давит необходимостью модернизации на более сильных. С течением времени результатом становится превосходная структура промышленности и более высокий уровень жизни как в абсолютном, так и в относительном

выражении. Более того, развитая промышленная база может поддерживать обширный и хорошо оплачиваемый сектор услуг. Недостаток кроется в том, что высокие налоговые ставки могут вызвать экспатриацию лиц с высоким чистым доходом, но эта цена незначительна. И все же, шведская модель была секретом для всех, кроме самих шведов.

Вторая формулировка проблемы неравенства в отношении политики в области развития основана на модели Харриса и Тодаро (1970), которые изучали урбанизацию, минимальную заработную плату и безработицу в Восточной Африке в 1960-х годах. Их открытие состояло в том, что неравная структура заработной платы (например, между городскими и сельскими районами) порождает миграцию и конкуренцию за лучшие рабочие места. Если последних немного, а разрыв в оплате труда велик, то соискатели будут численно превосходить рабочие места, что обязательно приведет к безработице. Гипотеза Харриса-Тодаро может быть рассмотрена на множестве различных примеров, таких как нынешние и прошлые миграции в Европе, Северной Америке и Китае.

В широком смысле, неоклассическая экономика прогнозирует, что на более гибких неравномерных рынках труда будет меньше безработицы. Модели М/Р и Х/Т обе предсказывают обратное, а именно, что общества с сжатой и регулируемой структурой заработной платы будут иметь (в определенных пределах) тенденцию к снижению уровня безработицы и (если они умно нацелены на инвестиции) более высокие темпы роста производительности и более высокие производственные сектора, чем те, которые сохраняют свою приверженность «свободным и гибким» рынкам труда. Предпочтение работодателей к гибкости связано с властью, с реакционным отношением к модернизации и никак не связано с экономическим развитием.

В более широком смысле эти модели можно рассматривать как примеры стратегии развития и даже самого смысла развития. Их правила оплаты

труда, заработной платы, доходов и благосостояния являются своего рода механизмом регулирования, который по-разному затрагивает структуры компенсации и собственности, политические права работников и эффективность и распространенность налоговой системы. Существует много других видов регулирования: фитосанитарная безопасность, безопасность продукции, безопасность транспортировки, строительные нормы, зонирование, условия на рабочем месте, охрана окружающей среды, предотвращение и смягчение последствий изменения климата и многое другое. Не говоря уже о справедливом и эффективном применении гражданского и уголовного кодекса. Создание и применение нормативных актов во всех этих сферах требует баланса между техническими (научными, инженерными) возможностями, административным потенциалом, готовностью решающих игроков в частной экономике к сотрудничеству и уступкам и способностью к эффективному, но не репрессивному правоприменению.

Регулирование имеет решающее значение для развития. Характерное современное различие между «развитой» и «развивающейся» страной не кроется (как предполагает неоклассическая экономика) в защите прав собственности - лозунге, призванном укрепить богатых. И не в уровне образования, ведь как известно, более бедные страны обладают богатой историей, и зачастую создают исключительно культурные народы. И не в производственных технологиях и технике, которые могут быть распространены по всему миру. Скорее, в современном мире развитие заключается главным образом в способности разрабатывать и внедрять эффективные и действенные нормативные акты и получать как (в значительной степени) добровольное согласие населения, так и принудительное в отношении меньшинства нарушителей. Эти условия позволяют гражданам наслаждаться жизнью, в значительной степени свободной от мелкого бремени ежедневных рисков и элементарной

самозащиты, хорошо известной тем, кто приезжает из менее привилегированных мест. Они - сумма и сущность экономического прогресса. Там, где рушатся консенсус и сотрудничество, рушатся стабильные и обычно мирные рамки жизни развитых стран.

Успешное создание регулируемой основы для развитой экономической деятельности стало большим достижением двадцатого века. Оно возникло в Америке в результате прогрессивного движения в эпоху Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона и Франклина Д. Рузвельта, распространившись на администрацию Линдона Джонсона и Ричарда Никсона, которые подписали закон о создании Агентства по охране окружающей среды. Он сформировал основу американской промышленной мощи и привлекательности американской социальной модели к середине столетия, в конечном итоге распространившись на послевоенную Европу и Японию.

Основополагающим принципом американского капитализма был не свободный рынок, а «теория уравнивающей силы» (Galbraith, 1952). Великая корпорация, процветавшая в данном контексте, приняла ограничения на свою силу, установленные еще более могущественным представительным государством, а также организованным взаимодействием профсоюзов и гражданского сообщества (Galbraith, 1967). После катастрофы Великого Краха финансы попали под контроль регулирования и в значительной степени стали играть служебную роль. Модель мобилизовала, но сохранила мотив прибыли и допустила определенную степень децентрализации, сдержек и противовесов, а также контролируемого технического прогресса, который социалистический блок не мог воспроизвести в течение долгого времени.

Излишне говорить, что с тех пор все изменилось. Начиная с середины 1970-х годов американская модель была подорвана изнутри возрождением пуристской идеологии свободного рынка, которая взяла под контроль

экономическую профессию, в основном в сфере возрождающегося финансового сектора, в сочетании с растущим напряжением между организованным трудом и капиталом в промышленных секторах самого центра страны (Bluestone and Harrison, 1990). Финансовое дерегулирование совместно с жесткой политикой макроэкономической дестабилизации нанесло ущерб промышленному сектору и положило конец эпохе уравнивания власти. С упадком советской модели и окончанием холодной войны западный триумфализм возобладал, и давление на население в целом ослабло; нарратив о прогрессивном развитии был отложен в пользу доктрины «рыночных реформ», неоклассической ортодоксии, такой обширной, как Вашингтонский консенсус. Не стоит и говорить, что неравенство росло как в богатых, так и в более бедных странах.

Движущей силой этого процесса было возобновление доминирования в финансовом секторе или так называемый «капитализм денежного рынка» - корпоративный идеал «акционерной стоимости» (означавший подчинение Уолл-стрит), и рост международных цепочек создания добавленной стоимости, что в конце концов и подорвало социальный консенсус и политический потенциал (в частности, для обеспечения инфраструктуры), составляющие американскую модель. Технологическое функционирование вышло из-под контроля промышленных корпораций и переместилось в собственный сектор, в одну из относительно небольших, относительно молодых компаний с огромной рыночной капитализацией. Американский рост был поддержан в 2000-х годах только благодаря терпимости мошеннического финансового двигателя, обреченного на провал в должное время (Black, 2014). В конечном итоге в результате возникла двойная экономика, сочетающая технологии с упадком, неравенство с нестабильностью (Galbraith, 2012) и создающая условия безудержного

дерегулирования, приведшие в 2007 году к большому финансовому кризису (Galbraith 2014)¹.

Последствия этой регрессии в американской модели были замаскированы еще более быстрым крахом социалистического блока в конце 1980-х и начале 1990-х годов, за которым последовал катастрофический эксперимент с экономикой свободного рынка в Российской Федерации. Точно так же, крупный финансовый кризис после дерегулирования затронул Японию в начале 1990-х годов и большую часть остальной Азии в 1997 году. А после Великого финансового кризиса экономика США была спасена, в той степени, в которой она была спасена, благодаря комбинации Кейнсианского «стимула» и автоматических мер стабилизации - в основном, программ социального страхования - которые выжили после «Нового курса» и «Великого общества», в то время как большая часть Европы томилась под *социал-либерализмом* Европейского Союза.

Результатом спустя сорок лет стал глобальный порядок с новым игроком в первом ряду - Китаем, страной, которая на сегодняшний день осуществила наиболее успешную стратегию экономического развития и сокращения бедности в мировой истории. Как им это удалось? Посредством программы постепенного развития, направленной на развитие государства в области инфраструктуры и урбанизации, развития передовых национальных корпораций наряду с поддержкой миллионов небольших фирм и, прежде всего, политики стабильных и предсказуемых базовых цен (Weber, 2017), социального баланса (Galbraith, 1985) и продолжением четкого регулирования финансовой взаимозависимости с остальным миром. В отличие от Кореи, Китай не отменил государственное регулирование банковского сектора, а открыл свой счет операций с капиталом в 1990-х

¹ Экономика Соединенного Королевства, в которой куда более доминирующее положение занимают крупные финансы, следовала тому же пути, что и Соединенные Штаты, с сопоставимым политическим / пространственным недовольством, что в конечном итоге привело к референдуму по Brexit.

годах и поэтому не присоединился к развитию и росту финансового кризиса в Азии. Что касается качества продукции, Китай придерживался стратегии ввоза знаний и технологий наряду с либеральным использованием внешних нормативных стандартов западных рынков для повышения качества производителей как для внутреннего рынка, так и для экспорта. Таким образом, бывшая и все еще частично социалистическая страна решила головоломку о том, как удовлетворить бесконечное разнообразие потребительских предпочтений сопоставимым разнообразием не стандартизированных товаров.

Китай не одинок в продвижении по пути такого общего типа; на самом деле он лишь последователь, а не лидер, хотя и в гигантском масштабе. Модель фирмы Гэлбрейта продолжает преобладать в Германии и Японии. Корея - еще один пример. Новый прагматизм Гжегожа Колодко (2014) с его влиянием на относительно успешный переход Польши (Kolodko, 2009) и новый эволюционизм Луиса Карлоса Брессера-Перейры (2010, 2019) отражают многие из тех же самых идей. Оба требуют стратегии открытой торговли и технологического совершенствования в условиях необратимой глобализации, но в сочетании с эффективным контролем над глобальными финансами. При благоприятных условиях и прагматическом политическом руководстве в первые два десятилетия этого столетия Бразилия, Аргентина, Чили, Уругвай и Эквадор добились замечательных успехов в направлении к более стабильным экономическим условиям и сокращению масштабов нищеты². Этот прогресс, однако, в настоящее время не поддерживается³.

² Хотя Уго Чавес однажды назвал себя «Galbraithiano», Венесуэла не смогла избежать опасностей нефтяного богатства и голландской болезни.

³ Среди европейских ученых традиция Дж.К. Гэлбрейта осталась жива в основном в диссидентских кругах, например, в работе Общества Федерико Кафе (Amoroso and Jespersen, 2012), Вебленских институтах (Frémeaux et al. 2014) и проекте Зеленого нового курса Движения за демократию в Европе 2025 (DiEM25).

Таким образом, у нас есть ведущие случаи, каждый из которых уклонялся, игнорировал или отклонял «Вашингтонский консенсус». Действительно, самые сильные примеры послевоенного восстановления и экономического развития в современную эпоху имеют четкую приверженность принципам Гэлбрейта о корпоративной организации, ориентированной на долгосрочное улучшение производственного потенциала, репутацию передового опыта, долю на мировом рынке, эффективное регулирование и отношение сдержек и противовесов с профсоюзами и государством, то есть уравнивающую силу.

Можно рассмотреть движение в этом направлении и в Российской Федерации, особенно в работах Бодрунова (2017, 2019), Кошкина и Кретьова (2018) и других, которые явно избрали моего отца - и позвольте сказать, к моему удовольствию - руководящим духом их дела. Возможно, неудивительно, что, увидев недостатки крайностей - централизованного планирования с одной стороны и «свободных рынков» - с другой, российским ученым следует проявить интерес к тому, что на самом деле когда-то сработало в Соединенных Штатах - и до сих пор работает в самых успешных развитых и развивающихся странах современного мира.

Использованная литература

Amoroso, Bruno and Jesper Jespersen, *L'Europa Oltre L'Euro: Le Ragioni del Disastro Economico e la Ricostruzione del Progetto Comunitario*. Rome: Lit Edizioni, Castelvechhi.

Black, William K. 2014. *The Best Way to Rob a Bank is to Own One*. Austin: University of Texas Press.

Bodrunov, Sergey. 2017. *Galbraith Restored*. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia. —. 2019. *Noonomy*, St Petersburg: S.Y. Witte Institute.

Bluestone, Barry and Bennett Harrison, 1990. *The Great U-turn: Corporate Restructuring and the Polarizing Of America*, New York: Basic Books.

Bresser-Pereira, Luiz Carlos. 2019. "From classical developmentalism and Post-Keynesian economics to new developmentalism," *Brazilian Journal of Political Economy*, Vol. 39, No. 2 (155), pp. 187-210, April/June. –. 2010. *Globalization and Competition: Why Some Emergent Countries Succeed While Others Fall Behind*. Cambridge: Cambridge University Press.

Frémeaux, Philippe, Wojtek Kalinowski, Aurore Lalucq. 2014. *Transition Écologique, Mode D'Emploi*, Paris: Les Petits Matins.

Galbraith, James K. 2019. "The Pragmatism of John Kenneth Galbraith," *Acta Oeconomica*, Vol. 69 (S1), pp. 195-213.

– . 2016. *Inequality: What Everyone Needs to Know*, New York: Oxford University Press.

– . 2014. *The End of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth*. New York: Free Press.

– . 2012. *Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just Before the Great Crisis*. New York, Oxford University Press.

– and Maureen Berner, eds. 2001. *Inequality and Industrial Change: A Global View*, New York: Cambridge University Press.

– . 1998. *Created Unequal: The Crisis in American Pay*. New York: Free Press.

– . 1989. *Balancing Acts: Technology, Finance and the American Future*. New York: Basic.

Galbraith, John Kenneth. 1952. *American Capitalism: The Concept of Countervailing Power*. Cambridge: Houghton-Mifflin.

–. 1958. *The Affluent Society*. Cambridge: Houghton-Mifflin.

– . 1967. *The New Industrial State*. Cambridge: Houghton-Mifflin.

Harris, John R. and Michael P. Todaro. 1970. "Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis." *The American Economic Review* 60(1):126-142.

Hirschman, Albert. 1958. *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press.

Kolodko, Grzegorz. 2014. *Whither the World: The Political Economy of the Future*. New York: Palgrave-MacMillan.

Kolodko Grzegorz. 2009. "A two-thirds of success. Poland's post-communist transformation 1989-2009," *Communist and Post-Communist Studies*, 42(3); 325-351.

Koshkin, Vitali and Sergey Kretov. 2018. *Solidarism: The New Mainstream of the Future*. Moscow: Radix.

Kuznets, Simon. 1955. "Economic Growth and Income Inequality." *The American Economic Review* 45(1):1–28.

Martin, Andrew. 1981. "Economic Stagnation and Social Stalemate in Sweden," in *Monetary Policy, Selective Credit Policy and Industrial Policy in France, Britain West Germany and Sweden*. Washington: Joint Economic Committee.

Meidner, Rudolf and Gosta Rehn. 1951. *Fackföreningsrörelsen och den Fulla Sysselsättningen*, Stockholm: LO. 1951.

Rostow, Walt W. 1960. *The Stages of Economic Growth*. Cambridge (UK): Cambridge University Press.

Weber, Isabella. 2017. *China's Escape from the Big Bang: The 1980s Price Reform Debate in Historical Perspective*. PhD dissertation, Center of Development

Studies, Department of Politics and International Studies, University of Cambridge.